0 46/338

2007041728

Русскія и инородческія преданія о Казанскомъ походѣ Ивана Грознаго.

Многочисленныя народныя пѣсни о самомъ славномъ событіи царствованія Грознаго царя, завоеваніи Казани, вошедшія въ пѣсенники, начиная съ пѣсенника Чулкова (1770), и записанныя въ губерніяхъ центральныхъ, поволжскихъ и сѣверныхъ, свидѣтельствуютъ о долгой жизни въ народѣ преданій объ этомъ походѣ. Къ сожалѣнію, такія мѣстныя преданія (не пѣсни) не были собраны тогда, когда ихъ еще можно было слышать изъ народныхъ устъ. Поэтому то немногое, что въ русскомъ и инородческомъ населеніи дожило до нашего времени, представляется намъ особенно цѣннымъ. Изъ русскихъ преданій мы знаемъ только два, изъ которыхъ одно, записанное въ этомъ году, появляется здѣсь въ первый разъ въ печати. Оно было доставлено записавшимъ его крестьяниномъ Ив. Степ. Гришкинымъ въ селѣ Лѣки, Коробовской волости, Егорьевскаго у., Рязанской губерніи, академику А. А. Шахматову и имъ предоставлено мнѣ. Привожу полностью запись И. С. Гришкина.

„У насъ существуетъ преданіе, что будто въ нашей мѣстности, а именно тамъ, гдѣ вытекаетъ рѣка Пра изъ Свята озера [1]), была нѣкогда переправа огромнаго войска. Одни говорятъ, что здѣсь переправлялся Іоаннъ Грозный, когда шелъ на Казань, а другіе, что татары—изъ Владиміра на Рязань. Еще говорятъ, что здѣсь упущены въ рѣкѣ золотыя ворота, одни говорятъ—отъ Владиміра, а другіе—отъ

[1]) Указаніе неточное. Рѣка Пра, лѣвый притокъ Оки, беретъ начало изъ оз. Сарыбьева въ Егорьевскомъ у. Въ началѣ рѣка носитъ разныя названія, а по выходѣ изъ оз. Мартынова получаетъ названіе Пра.

Казани. Но та или другая, а одна все-таки быть должна переправа. Это объяснить можно остатками множества плотовъ, которые сейчасъ уже покрыты торфомъ вершковъ на десять. Но гдѣ приходится копать землю, тамъ часто встрѣчаются дерева и дерева одной мѣры и съ обрубленными концами. Теперь на этомъ мѣстѣ косятъ сѣно, но луга носятъ названіе *плотовыхъ*. Вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ старикъ. Я спросилъ его: „Дѣдушка, что это край канавы изъ земли выглядываютъ брёвна и брёвна сосновыя, а вѣдь кругомъ растетъ лѣсъ только берёзовый? Развѣ здѣсь когда былъ сосновый лѣсъ? А онъ мнѣ отвѣтилъ: „Вотъ мнѣ 80 лѣтъ, а мнѣ еще сказывалъ мой дѣдушка, что здѣсь никогда не было сосноваго лѣсу, а эти брёвна—остатки плотовъ, на которыхъ переправлялся съ войскомъ Иванъ Грозный, когда шолъ на Казань; здѣсь, говорятъ, ихъ было видимо-невидимо и гоняло ихъ по озеру туда и сюда, пока въ полую воду не выбросило на луга, и здѣсь они заросли травой“.—А почему ихъ, дѣдушка, не разобрали и не увезли крестьяне?—сказалъ я. А онъ и говоритъ: „Да тогда лѣсу-то и поближе было много“. Здѣсь, говорятъ, былъ еще мостъ. А въ озеро, говорятъ, упустилъ во время бури Иванъ Грозный золотыя ворота отъ города Казани“. Это все говорилъ мнѣ старикъ, а ему тоже старикъ, и такъ навѣрное передавалось изъ рода въ родъ. А когда я былъ еще маленькимъ, моя бабушка учила меня пѣсни, содержаніе которой я хорошо запомнилъ, правда, послѣ я не слышалъ, чтобы ее кто пѣлъ, но я всё-таки её помню. Вотъ она отъ слова до слова:

Ни отъ вѣтру пыль на дарôги подымалася, [1])
Ни отъ грома грохатъ слышилси,
А то ѣхали славны витизи,
Славны витизи маскофскія.

---

[1]) Буквой ô передается у/о, которымъ И. С. Гришкинъ обозначаетъ звукъ *о* съ предшествующимъ ему краткимъ *у*. Буква *ы* въ *стынавилисъ* и т. д., э въ *татарскэю* передаютъ написаніе *а* съ помѣщенными надъ нимъ буквами *ы* и *э*. (Примѣч. А. А. Шахматова).

Стынавились аны середи села,
Гыварили аны такавы слова:
„А вы братцы хрестьяны православныя!
Вы берити ка тапôрики вострыя,
И идити ка вы къ Святу озиру,
Вы рубити лѣса тамъ дремуцыя,
Вы валити ихъ фъ Свята озира,
Фъ Свята озира, ва быстру рѣку,
И вежити ихъ вицью ивывай".
Взгыварилъ тутъ нашъ всецесной нарôтъ:
„Славны витизи вы маскофскія,
А на щô вамъ эти плôтики,
Крамя плôтикафъ еще мостики?"
А аны тутъ атвѣцали имъ:
„Намъ ненужна вашихъ плôтикафъ,
А нужны аны царю батюшки,
А на щô ему ета, то знаитъ онъ,
Иванъ Васильицъ царь нашъ батюшка.
Задумалъ онъ думу крѣпкаю,
Думу крѣпкаю ниатмѣннаю:
Пыбѣдить, паланить землю татарскэю,
Фсё татарскэю, басурманскаю".

Какъ въ большинствѣ народныхъ преданій, такъ и въ записанномъ кр. Гришкинымъ, нельзя искать полной исторической достовѣрности. Находя остатки множества старыхъ сосновыхъ бревенъ отъ плотовъ, одни изъ мѣстныхъ жителей видятъ въ нихъ слѣды отъ переправы какого то татарскаго войска, другіе—отъ переправы войска Ивана Грознаго въ походѣ подъ Казань. Послѣднее объясненіе вообще болѣе вѣроятно, такъ какъ татары въ своихъ быстрыхъ конныхъ набѣгахъ налегкѣ не утруждали себя постройкой плотовъ для переправы черезъ рѣки, а искали броду или перебирались вплавь. Плоты нужны были русскому войску для перевозки тяжестей огромнаго обоза, необходимаго для осады Казани. Что части войсковой силы Ивана Грознаго въ послѣднемъ походѣ на Казань шли изъ-за Оки лѣсами

по направленію къ Казани, извѣстно изъ исторіи [1]) и, какъ увидимъ ниже, подтверждается мордовскими преданіями, записанными въ Нижегородской губерніи. Приведенное нами Коробовское преданіе, записанное Гришкинымъ, обросло, какъ обычно бываетъ, легендарными мотивами. Иванъ Грозный, будто бы, упустилъ въ воду во время бури золотыя ворота отъ Казани, при чемъ легенда обходитъ очевидное противорѣчіе: ворота отъ Казани царь могъ добыть только послѣ взятія города, а между тѣмъ переправа, по смыслу преданія и пѣсни, совершилась въ началѣ похода. Другая версія припомнила знаменитыя золотыя ворота города Владиміра, сооруженныя Андреемъ Боголюбскимъ [2]) и въ реставрированномъ видѣ доселѣ украшающія этотъ городъ. Та и другая версія, конечно, отголосокъ бродячихъ легендъ о золотыхъ городскихъ воротахъ, уносимыхъ какимъ-нибудь героемъ изъ взятаго города. Вспомнимъ, напримѣръ, малорусскую легенду о Михайликѣ, увезшемъ, поднявъ на плеча, Золотыя ворота Кіева въ Царьградѣ [3]).

Если приведенное нами преданіе связано съ какими-то вещественными остатками, сосновыми плотами, происхожденіе которыхъ въ мѣстности, лишенной въ настоящее время сосноваго лѣса, представлялось загадочнымъ, то другая легенда, связанная, повидимому, съ тѣмъ же походомъ Ивана

---

[1]) При обсужденіи вопроса о походѣ на Казань въ совѣтѣ царя, рѣшено было отпустить водою рать, нарядъ большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, какъ приспѣетъ время, идти полемъ Соловьевъ—Исторія Россіи т. VI², стр. 71). Согласно такому рѣшенію, часть русскихъ войскъ, участвовавшая въ сухопутномъ походѣ, пошла на Рязань и Мещеру, а другая съ царемъ на Владиміръ и Муромъ. Иванъ Васильевичъ соединился со своими воеводами за р. Сурой. (Тамъ же стр. 74—75). Такимъ образомъ, если не сомнѣваться въ рязанскомъ преданіи, нужно предположить, что упоминаемые въ немъ плоты и мосты служили для переправы рати, шедшей лѣтомъ 1552 года чрезъ рязанскія мѣста (Егорьевскій у.) подъ начальствомъ не самого царя, а его воеводъ.

[2]) Золотыя ворота во Владимірѣ упоминаются лѣтописью подъ 1164 годомъ по случаю освященія церкви, воздвигнутой въ нихъ Андреемъ Боголюбскимъ.

[3]) См. наши Очерки р. народн. словесности I стр. 359 слѣд.

Грознаго, не имѣетъ такого точнаго прикрѣпленія. Она была приведена покойнымъ историкомъ Н. Я. Аристовымъ въ его статьѣ „Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ“ [1]), къ сожалѣнію, безъ точныхъ указаній гдѣ именно и отъ кого она была записана. Приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ пересказываетъ ее Аристовъ.

„Стала одолѣвать невѣрная сила народъ христіанскій, и собрался войной на враговъ самъ царь Иванъ Грозный; повелъ онъ за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополченіе за рѣку Волгу. Сперва переѣхалъ на тотъ берегъ царь съ вельможами и сталъ поджидать переправы воинства. Посажались солдаты на стругa и лодки и отхлынули отъ берега; вдругъ Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валами страшные; лодки мечутся изъ стороны въ сторону, летаютъ какъ пухъ... Видитъ Грозный царь съ берега, того и гляди, что перетопитъ все его воинство, и крикнулъ онъ громкимъ голосомъ: „Не дури, рѣка, присмирѣй, а то худо будетъ!“ Не унималась Волга и заволновалась пуще прежняго. „Палача сюда подать!“ крикнулъ царь, „вотъ я тебя проучу!..“ Пришелъ палачъ, мужчина здоровенный,—и велѣлъ ему царь сѣчь рѣку кнутомъ, чтобы она не бунтовала противъ царской рати. Взялъ кнутъ палачъ, засучилъ рукава красной рубахи, разбѣжался да какъ свистнетъ по Волгѣ,—вдругъ кровь изъ воды на аршинъ вверхъ брызнула, и легъ на водѣ кровяной рубецъ въ палецъ толщиной. Потише пошли волны на рѣкѣ; а царь кричитъ: „Не жалѣй, валяй крѣпче!“ Разбѣжался палачъ дальше прежняго и хватилъ сильнѣе; кровь брызнула еще выше и рубецъ легъ толще; Волга утишилась больше прежняго. Послѣ третьяго удара, который палачъ отвѣсилъ изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубецъ оказался пальца на три толщины,—совсѣмъ присмирѣла тогда Волга. „Довольно“—сказалъ Грозный царь, „вотъ какъ васъ надо проучивать!“ Послѣ того благополучно переправилось черезъ рѣку все войско, и ни одинъ солдатикъ не утонулъ,

---

[1]) Въ т. I Трудовъ 3-го Археологическаго съѣзда въ Казани стр. 339 и слѣд.

хотя много приняли страху. И теперь, говорятъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была переправа, видаютъ на Волгѣ три кровяные рубца, особливо лѣтнимъ вечеромъ, если взглянешь противъ солнца, когда оно закатывается за горы".

Въ приведенномъ преданіи интересенъ съ одной стороны бродячій мотивъ—наказанія рѣки—съ другой—прикрѣпленіе его къ личности Ивана Грознаго. Мотивъ отмѣченъ уже въ памятникахъ глубокой древности. По свидѣтельству Геродота, какъ извѣстно, Ксеркъ наказалъ тремя стами ударовъ и кандалами Геллеспонтъ, разгнѣвавшись на море за то, что буря разметала часть моста, построеннаго по его повелѣнію черезъ этотъ проливъ во время похода персидскаго царя на Грецію. Въ одной статьѣ [1]) я отмѣтилъ прикрѣпленіе того же мотива къ Александру Македонскому (въ грузинскомъ сказаніи), къ царицѣ Тамарѣ и къ Петру Великому. Вездѣ наказаніе стихіи мотивируется преданіемъ тѣмъ, что она воздвигаетъ какія-нибудь препятствія замысламъ или предпріятіямъ знаменитыхъ земныхъ властителей. Такъ, напримѣръ, Петръ Великій собственноручно, по олонецкому преданію, высѣкъ Ладожское озеро (въ варіантѣ Плещеево озеро) за то, что оно, разыгравшись, закачало его, когда онъ ѣхалъ по важному дѣлу. Поэтому спрашивается, имѣлъ ли основаніе Иванъ Грозный гнѣваться на Волгу. Думается, что имѣлъ, если вспомнимъ нѣкоторыя обстоятельства походовъ Грознаго на Казань. Такъ, въ первомъ неудачномъ походѣ молодого царя въ 1548 г., предпринятомъ въ февралѣ, Волга поглотила много пушекъ, пищалей и людей, и царь вернулся въ Москву въ большихъ слезахъ, что не сподобилъ его Господь совершить похода [2]). Еще хуже поступила Волга съ Иваномъ Васильевичемъ въ са-

---

[1]) Къ пѣснямъ, сказкамъ и преданіямъ о Петрѣ Великомъ. Русс. Филолог. Вѣстникъ 1909 г. № 1.

[2]) Вотъ слова С. М. Соловьева: „Когда въ февралѣ 1548 г. самъ Іоаннъ выступилъ изъ Нижняго и остановился на островѣ Роботкѣ, тамъ наступила сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрыло водою, много пушекъ и пищалей провалилось въ рѣку, много людей потонуло въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Три дня царь стоялъ на о. Роботкѣ, ожидая пути, но пути не было". Ист. Россіи, т. VI², стр. 58.

момъ началѣ осады Казани въ 1552 г.: страшная буря сломила шатры и въ томъ числѣ царскій; на Волгѣ разбило много судовъ, много запасовъ погибло, (что могло привести въ уныніе войска). Но не унывалъ царь: онъ послалъ приказъ двинуть запасы изъ Свіяжска, изъ Москвы, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью [1]). Вѣроятно, воспоминаніе о бѣдствіяхъ, причиненныхъ Волгой во время казанскихъ походовъ въ связи съ представленіемъ народнымъ о личныхъ свойствахъ Грознаго царя, его гнѣвливости, жестокости и быстротѣ въ расправѣ вызвало въ позднѣйшемъ народномъ преданіи прикрѣпленіе къ нему бродячаго мотива о наказаніи имъ Волги кнутомъ рукой палача. Отмѣтимъ, что народныя преданія представляютъ подобныя расправы знаменитыхъ властителей съ морями, озерами или рѣками не безрезультатными. Ладожское озеро послѣ наказанія кнутомъ „царскима рукама“ стало, по свидѣтельству крестьянъ, смирнѣе; наказанное Александромъ Македонскимъ море заплатило ему дань, выславъ ему съ „морскимъ человѣкомъ“ три чудодѣйственныхъ зерна, изъ которыхъ одно возвращало молодость, другое—цѣлило отъ всѣхъ болѣзней, третье—давало знаніе всего настоящаго и будущаго; Каспійское море, послѣ наказанія царицей Тамарой, заплатило ей огромную дань, состоявшую изъ золота, жемчуга, серебра, янтаря и буйволовъ. Такъ и Волга, послѣ наказанія плетьми, по волжскому преданію, совсѣмъ присмирѣла и покрылась кровавыми рубцами, которые будто бы видны иногда до сихъ поръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была переправа царскаго войска. Вѣроятно, эти кровавые рубцы объясняются зрительной иллюзіей, какъ можно заключать изъ того, что они бываютъ видны, особливо лѣтнимъ вечеромъ, если взглянешь противъ солнца, когда оно закатывается за горы“. Но, къ сожалѣнію, сообщившій преданіе не объясняетъ, къ какому именно мѣсту на Волгѣ оно прикрѣплено.

Переходимъ къ инородческимъ преданіямъ о походѣ Ивана Грознаго на Казань. Въ моей статьѣ „Къ пѣснямъ

---

[1]) Тамъ же стр. 76.

объ Иванѣ Грозномъ", помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ 1904 году [1]), я привелъ въ переводѣ три пѣсни, сохранившіяся у казанскихъ татаръ о построеніи Иваномъ русскимъ крѣпости Свіяжска (въ походѣ 1551 года), объ измѣнникѣ ханѣ Шыгали (Шигалеѣ), предавшемся русскимъ, и о татарскомъ богатырѣ Чурѣ, будто бы отрѣзавшемъ Ивану голову. Къ этимъ татарскимъ реминисценціямъ событій, связанныхъ съ паденіемъ Казанскаго царства, можно присоединить нѣсколько мордовскихъ преданій и пѣсенъ. Первыя я заимствую изъ рукописной статьи „Преданія о послѣднемъ походѣ противъ Казани Іоанна Васильевича Грознаго черезъ Ардатовскій и Арзамасскій уѣзды Нижегородской губерніи, присланной ея авторомъ архимандритомъ Макаріемъ въ 1853 году въ И. Русск. Геогр. Общество и хранящейся въ архивѣ Общества [2]). Авторъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Нижегородской губерніи, судя по тому, что ему же принадлежитъ „Исторія Нижегородской семинаріи", напечатанная въ 1859 г. въ нѣсколькихъ №№ Нижегородскихъ Вѣдомостей (№№ 54—69) и напечатанная тамъ же въ 1849 году статья „Обычаи и суевѣрія мордвы-мокшанъ (№№ 46—51) [3]). Рукописная статья, которой я пользуюсь, обнаруживаетъ также хорошее знакомство съ мордвой и тщательное собираніе мордовскихъ преданій на мѣстахъ.

---

[1]) См. Этногр. Обозрѣніе, Кн. LXII стр. 38—51.

[2]) Коробка XXIII № 142.

[3]) Къ этимъ даннымъ присоединяю нѣкоторыя свѣдѣнія объ арх. Макаріи, любезно сообщенныя мнѣ Дм. Конст. Зеленинымъ. Арх. Макарій, бывшій въ концѣ своей жизни архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ, былъ въ міру—Николаемъ Кирилловичемъ Миролюбовымъ. „Уроженецъ Рязанской губ., (род. въ 1817 г.). Миролюбовъ окончилъ въ 1842 г. курсъ Моск. Духовн. Академіи и тогда же былъ назначенъ профессоромъ Нижегородской Дух. Семинаріи. Въ 1846 г. онъ принялъ монашество, а въ 1854 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ Нижнемъ онъ жилъ до 1858 года, когда былъ переведенъ въ Рязань ректоромъ семинаріи. Впослѣдствіи, въ 1866 и 1879 годахъ, онъ опять былъ въ Нижнемъ, уже епископомъ, но этнографическія его работы принадлежатъ первому нижегородскому періоду. Въ 1840—50 годахъ Миролюбовъ сблизился съ жившими тогда въ Нижнемъ писателями П. И. Мельниковымъ и В. И. Далемъ;

По словамъ автора, мордовскія преданія въ Ардатовскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что проводниками русскаго войска по дремучимъ лѣсамъ служили нѣкоторые мордвины, которые въ то время, въ XVI в., одни хорошо знали эти глухія мѣста, переходя съ одного пчелинаго бортня на другой. Изъ этихъ царскихъ проводниковъ по Ардатовскому уѣзду упоминается преданіемъ мордвинъ Калейка [1]), жившій въ лѣсу около нынѣшняго Верхнежелѣзницкаго (Велетминскаго) завода. «За услугу, какъ гласитъ преданіе, царь хотѣлъ наградить мордвина деньгами, сколько ему будетъ угодно. Но Калейка денегъ будто бы не пожелалъ, а только сказалъ царю, что если ему угодно жаловать, то пожаловалъ бы его лѣсомъ, въ которомъ онъ живетъ и по которому провожалъ царя. Желаніе мордвина было исполнено. Ему дано въ награду нѣсколько сотъ десятинъ земли съ лѣсомъ. Награжденный Калейка возбудилъ зависть въ другихъ окрестныхъ жителяхъ и сдѣлался жертвою насильственной смерти. Разсказываютъ, что разбойники, извѣстные подъ именемъ Ѳомятъ, задумали убить обогащеннаго мордвина. Когда рѣшились исполнить свое злое намѣреніе, то пришли къ Калейкѣ и нашли его сидѣвшимъ на соснѣ. Два пса были вѣрными ему стражами. Ѳомяты сперва убили псовъ, а потомъ приказали слѣзть и мордвину. Калейка началъ умолять о помилованіи, сулилъ имъ множество золота и серебра и обѣщался отдать самое свое владѣніе. «Намъ не нужно», отвѣтствовали Ѳомяты, «ни злата, ни серебра; намъ нужно тебя самого; слѣзай сюда, и мы убьемъ тебя». Память убійства Калейки, по словамъ автора, доселѣ сохраняется между туземными крестьянами въ пѣснѣ *о Калейкѣ-мужикѣ*, (которую къ сожалѣнію авторъ не приводитъ [2]).

тогда же былъ избранъ и членомъ Географическаго Общества. Съ 1894 (?) г. архіепископъ Макарій жилъ на покоѣ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ Нижнемъ же, гдѣ и скончался 24 декабря 1894 года". См. „Пятидесятилѣтіе церковно-общественной и научно-литературной дѣятельности высокопреосв. Макарія, архіепископа Донского и Новочеркасскаго". Новочеркасскъ, 1893.

[1]) Имя его авторъ объясняетъ мордовскимъ словомъ *каль—вѣтла.*

[2]) Рукоп. стр. 4.

Въ томъ же Ардатовскомъ уѣздѣ существуетъ преданіе о другомъ проводникѣ войска Ивана Грознаго мордвинѣ Кужендѣѣ. По разсказу однихъ Кужендѣй жилъ въ лѣсу и ставилъ пчелиныя бортни. Русскіе воины Іоанна нашли его и привели къ царю. На всѣ вопросы онъ молчалъ, такъ какъ не только не понималъ, но даже никогда не слыхалъ русскаго языка. Разгнѣванный его молчаніемъ, Иванъ Грозный отдалъ приказъ его повѣсить на деревѣ. Но приближенные къ царю слуги упросили его поискать, не найдется ли кто нибудь въ ополченіи, кто могъ бы служить переводчикомъ для разспросовъ мордвина. Такой знатокъ русскаго и мордовскаго языка нашелся и, по приказанію царя, спросилъ Кужендѣя, не можетъ ли онъ провести царское войско лѣсами на Казань. Кужендѣй обѣщался довести войско до старшаго своего брата Ерзи, который лучше его знаетъ лѣса. Къ нѣкоторымъ урочищамъ, по которымъ проводникъ велъ царя съ войскомъ, прикрѣпились этимологическія саги. Такъ, дойдя до одного мѣста въ лѣсу, Кужендѣй будто бы сказалъ по-мордовски, что у него есть *топло*, т.-е. ночлегъ. Тутъ царь заночевалъ, и нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ село Теплое [1]) въ 24 верстахъ отъ г. Ардатова къ сѣверозападу. Въ другомъ мѣстѣ послѣ долгаго блужданія проводникъ остановился на полянѣ среди лѣса и сказалъ: *молякса*, т.-е молитесь за то, что онъ нашелъ дорогу и теперь можетъ провести русскихъ до своего брата Ерзи.

На этомъ мѣстѣ теперь стоитъ село *Молякса* [2]) въ 6 верстахъ отъ Ардатова къ юговостоку. Затѣмъ Кужендѣй довелъ царя до самаго Арзамаса, откуда передалъ свою обязанность брату Ерзѣ. За услугу Кужендѣя царь подарилъ ему перстень. Но мордвинъ не зналъ его употребленія и названія. Русскіе объяснили ему, что это кольцо. Мордвинъ, желая затвердить это слово, повторялъ: «гольцо, дольцо»,

---

[1]) „Очевидно“ — говоритъ авторъ, — что это производство русскихъ поселянъ, хотѣвшихъ только подтвердить чѣмъ либо какъ пребываніе Грознаго на мѣстѣ села Теплова, такъ и основаніе самаго села по причинѣ онаго пребыванія (стр. 7).

[2]) Село расположено по рѣчкѣ Моляксѣ, отъ которой, вѣроятно, и получило имя.

отчего и получилъ прозвище Гольцова. Сверхъ подарка Иванъ Грозный, по возвращеніи съ побѣдой изъ Казани, пожаловалъ Кужендѣю съ потомствомъ тѣ лѣса, среди которыхъ объ былъ встрѣченъ [1]).

Мы не будемъ вслѣдъ за арх. Макаріемъ опредѣлять путь, по которому шелъ Иванъ Грозный въ лѣсахъ Нижегородской губерніи. Мѣстныя преданія связываютъ станы царскаго войска съ основаніемъ разныхъ церквей и со старинными курганами (марами). Показанія арх. Макарія совпадаютъ со свѣдѣніями, приводимыми П. И. Мельниковымъ въ его очеркахъ мордвы. „Вообще въ мѣстностяхъ, населенныхъ какъ обрусѣлою, такъ и необрусѣлою Мордвой, говоритъ Мельниковъ, сохраняется свѣжая память о Грозномъ. О немъ поются пѣсни, о немъ разсказываются преданія; происхожденіе каждаго кургана приписывается царю Ивану Васильевичу; это онъ войско свое считалъ, говорятъ туземцы, каждый воинъ высыпалъ шапку земли на мѣстѣ ночлега, и по высотѣ насыпанныхъ ратниками бугровъ московскій государь дѣлалъ смѣту своему войску“... По преданію, «Иванъ Васильевичъ строилъ новокрещенымъ церкви и жаловалъ ихъ иконами, иконостасами, царскими вратами и т. п. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ того края доселѣ показываютъ иконы, будто бы данныя Грознымъ, хотя и трудно согласиться, чтобъ они были такъ древни“. По словамъ Мельникова, „много былинъ распѣвается обрусѣлой мордвой того края о Грозномъ царѣ, распѣваются они и русскими, и каждая изъ нихъ начинается обыкновенно словами:

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка
Первый царь Иванъ Васильевичъ.
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою,
Онъ прошелъ землю мордовскую... [2]).

---

[1]) Рукопись стр. 8.

[2]) См. Русскій Вѣстникъ 1867 г. Іюнь стр. 507. Замѣтимъ, что третій и четвертый стихи приводитъ арх. Макарій въ видѣ эпиграфа къ своей статьѣ, съ указаніемъ, что они взяты „изъ мѣстной пѣсни о Грозномъ“. Однако въ послѣднемъ стихѣ, вмѣсто „землю мордовскую“, читается у него: «въ страну: Татарщину».

Прослѣживая путь Грознаго по Ардатовскому уѣзду и стараясь согласовать мѣстныя преданія съ историческими показаніями, арх. Макарій упоминаетъ, что однимъ изъ проводниковъ царскаго войска былъ также, по преданію, какой-то Петрушка Щугляевъ изъ деревни Торшевой, провожавшій лѣвый отрядъ. При этомъ авторъ замѣчаетъ: О деревнѣ Торшевѣ есть у мордвы пѣсня, въ которой представляется богатый мужикъ Вачайка (по-русски *голодный*), а дочь у него *Саманька*. Эта дочь, по сказанію пѣсни, будто бы вызвана была царемъ къ Казани и взорвала городъ, подложивъ подъ него пороху 50 боченковъ съ боченкомъ. За такую услугу взятія осаждаемой будто бы семь лѣтъ Казани Саманька пожелала только того, чтобы царь позволилъ лицо свое колоть и на лбахъ носить [1])". Авторъ въ статьѣ не приводитъ этой пѣсни, но она отыскалась въ рукописяхъ И. Д. Бѣляева, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 67 (1576), вмѣстѣ съ другою исторической пѣсней (о которой ниже). Въ концѣ текстовъ читается слѣдующее примѣчаніе: «Двѣ сіи пѣсни поются басистымъ протяжнымъ голосомъ отъ обрусѣвшей мордвы—терюханъ, живущихъ Нижегородскаго уѣзда въ Терюшевской волости, подаренной въ 1700 году отъ Петра Великаго грузинскому царевичу Арчилѣ Вахтангѣевичу. Сообщено изъ Нижняго Новгорода отъ І. М. 28 Августа 1850 года» [2]). Мы приведемъ пѣсню о Вачайкѣ и Саманькѣ по списку, сдѣланному Георгіемъ Захаровичемъ Кунцевичемъ и любезно предоставленному въ наше пользованіе. Замѣтимъ, что въ этой пѣснѣ вполнѣ обрусѣлой мордвы деревня называется Торшовой, а не Торшевой, но, конечно, дѣло идетъ объ одномъ и томъ же поселеніи.

Въ деревнѣ Торшовѣ
Жилъ мужикъ богатый,
Сгребалъ деньги лопатой:

---

[1]) Стр. 19, примѣчаніе.

[2]) Думаемъ, что подъ иниціалами І. М. нужно разумѣть іеромонаха Макарія. По крайней мѣрѣ въ 1849 г., какъ видно изъ доставленнаго Макаріемъ перваго списка статьи о походѣ Ив. Грознаго и пр. въ И.Р. Геогр. О-во, онъ былъ еще іеромонахомъ.

Званье ему Вачайка,
Дочь была у него Саманька;
Сама собой маленька,
Личикомъ бѣленька,
Волосомъ русен(ь)ка.
Сидѣла Саманька съ своимъ подружкамъ въ
теплой банѣ.
Коя хвалилась одеждой,
Коя хвалилась работой.
„Охъ вы, красныя дѣвушиньки,
Милыя подружиньки!
Нашли объ чемъ хвалиться,
Нашли чѣмъ величаться!
Я бы красная дѣвушка Казань городъ взяла,
Въ три часа подъ свои руки подобрала.
Какой есть тамъ царь,
Какой есть государь?
Семь лѣтъ беретъ,
А все еще не возьметъ.
Я бы красная дѣвушка
Своимъ дѣвичьимъ умомъ
Въ три часа взяла,
Не хитростію, не мудростію,
Своимъ дѣвичьимъ умомъ взяла бы“.
Тутъ государевы драгуны подслушаютъ,
Великому государю докладываютъ.
Черезъ три сутки государь за Саманькой
посылаетъ,
Чрезъ своихъ драгуновъ на шестнадцати
тройкахъ къ себѣ вызываетъ.
Подъѣзжаютъ къ Вачайкову двору высокія повозки,
Останавливаются у его воротъ зеленыя каляски.
Сидитъ Саманька у краснаго окошка,
Вышиваетъ узорья калканы [1]).
Глядитъ и сама кричитъ:
«Охъ тятяй тятяй, батюшка!

[1]) *Калканы* — шитье мордовское, употребляемое на женскихъ рубахахъ.

Что это за солдаты,
Что это за драгуны—
Въ великихъ повозкахъ,
Въ зеленыхъ каляскахъ
Къ нашему двору подъѣзжаютъ,
Свои повозки останавливаютъ?
Спроси-ка, батюшка,
Зачѣмъ они подъѣхали,
У нашихъ воротъ встали?».
— Что вы, государевы солдаты,
Къ моему двору подъѣзжаете
Свои повозки останавливаете? —
„Мы не солдаты,
А государевы драгуны".
— Зачѣмъ же вы пріѣхали?
„За твоей дочечкой, за Саманькой,
Увеземъ твою дочку къ великому государю:
Она собой хвалилась,
Надъ государемъ посмѣялась".
— Родимой батюшка, сули имъ два ста,
А мало—три ста.
„Дуракъ мужикъ Вачайка!
Мы два ста и три ста возьмемъ,
А Саманьку-то къ государю увеземъ".
Срядилась Саманька
Входила въ высокую каляску,
Садилась въ зеленую повозку.
Саманьку привозятъ,
Къ государю на лицо приводятъ.
„Охъ ты красная дѣвка,
Богатаго отца дочь!
Сама ты собой хвалилась,
Надо мной смѣялась:
Голова съ тебя долой!"
— Батюшка свѣтъ, великій государь,
Мою голову руби,
Теперь на плахѣ отъ плечъ отвали!—
„Охъ ты, красная дѣвка,

За что надо мной смѣялась,
Чѣмъ ты хвалилась?
Прочь отъ меня поди,
Чѣмъ хвалилась, то и сотвори!“
— Батюшка, великій государь,
Дай мнѣ пятьдесятъ человѣкъ съ человѣкомъ,
Дай мнѣ съ порохомъ пятьдесятъ боченковъ
съ боченкомъ;
Вотъ подрылась Саманька
Подъ Казань городъ близко,
Подъ Казанскую стѣну низко;
Накатала Саманька
Пятьдесятъ боченковъ съ боченкомъ;
Воткнула Саманька
У каждаго боченка по восковой свѣчкѣ въ порохъ;
Сама взяла свѣчку,
Государю другую.
„Охъ ты, красная дѣвка,
Полтора часа житья тебѣ;
Какъ скорѣе свѣчки сгорятъ надъ землей,
То голова съ твоихъ плечъ долой“.
— Батюшка, великій государь!
Поди на востокъ,
Бога помолимъ,
Земляной поклонъ положимъ. —
Наружныя свѣчки сгорѣли,
А Казань взять еще не успѣли.
„Охъ ты, красная дѣвка!
Голову сниму съ тебя долой,
Что надсмѣялась надо мной“.
— „Но великій государь!
На волѣ свѣчки горятъ скорѣй,
Нежели какъ они таютъ подъ землей.—
Дошли свѣчки до каждаго боченка,
Взяло Казань рвать,
Взяло стѣну метать.
Государь говоритъ:
„Охъ ты, красная дѣвка!

Стоитъ тебя миловать,
Чѣмъ же тебя жаловать?“
— Прошу тебя, великій государь'
Меня пожалуй,
Ничѣмъ не жалуй.
Позволь твое лицо колоти,
На лбахъ носити.
Къ отцу, къ матери отпусти,
На родину вели меня отвести.—
И отвезли Саманьку домой
На высокихъ повозкахъ,
На зеленыхъ коляскахъ.—

Трудно поручиться за точную запись этой русской пѣсни, сложенной потомками обрусѣлой мордвы Терюшевской волости. Въ 40-хъ годахъ еще мало обращали вниманія любители этнографіи на точность указаній, на соблюденіе пѣсеннаго размѣра и особенностей говора. Но въ народномъ происхожденіи пѣсни нѣтъ основанія сомнѣваться. Обрусѣлая мордва получила основной мотивъ ея—взятіе Казани посредствомъ взрыва бочекъ съ порохомъ—изъ извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ; сохранила деталь о кажущемся замедленіи взрыва, о гнѣвливости Грознаго, объ его угрозѣ казнить предполагаемаго виновника неудачи. Но, подобно тому, какъ казаки взятіе Казани приписали Ермаку Тимоѳеевичу въ извѣстной пѣснѣ о его помощи царю подъ Казанью, такъ мордовское преданье пошло еще дальше въ восхваленіи участія мордовскаго племени въ разрушеніи столицы Казанскаго царства, подъ гнетомъ котораго и ему приходилось тяжело. Не довольствуясь преданіями, имѣвшими реальное основаніе, о томъ, что мордовскіе проводники помогли царскому войску пробраться чрезъ глухіе лѣса, хорошо имъ извѣстные, и дѣйствительнымъ участіемъ отряда мордвы въ русскомъ походѣ на Казань [1]), мордовскіе патріоты приписали даже взрывъ казанскихъ стѣнъ порохомъ, такъ сильно

[1]) Такъ, исторически извѣстно, что во время похода на Казань 1552 года въ русскихъ войскахъ была темниковская мордва съ своимъ княземъ изъ рода Еникѣевыхъ. Русс. Вѣст. 1867 Іюнь, стр. 507.

поразившій современниковъ событія, хитрости-мудрости мордовской дѣвушки Саманьки. И притомъ за такой подвигъ она, какъ дочь богатаго отца, отказывается отъ существенной награды. Ея неясныя, вѣроятно, искаженныя пѣсней слова—„позволь твое лицо колоти—на лбахъ носити",—можетъ быть слѣдуетъ понимать такъ, что она проситъ позволенья носить на лбу какую нибудь бляху съ изображеньемъ царя въ воспоминанье о своей заслугѣ передъ нимъ. Быть можетъ, въ этихъ словахъ обрусѣлая мордва неумѣло выразила свое представленіе о медали съ царскимъ портретомъ, при чемъ, конечно, эта деталь вошла въ пѣсню уже въ болѣе позднее время.

Возвращаясь къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ рукописью арх. Макарія, замѣтимъ, что въ концѣ ея онъ приводитъ нѣкоторыя соображенія объ отголоскахъ *первыхъ* походовъ Ивана Васильевича противъ Казани въ нижегородскихъ преданіяхъ. „Вѣроятно къ первому походу", говоритъ онъ [1]), относится преданіе о подаркахъ, поднесенныхъ отъ мордвы Іоанну IV. Приближаясь къ Нижнему Новгороду, онъ увидѣлъ будто-бы на Дятловыхъ горахъ, примыкающихъ къ самому городу, молившуюся по своему мордву. Это было поводомъ къ подаркамъ, кои получила мордва отъ царя, а царь отъ мордвы, и къ тому порабощенію, по коему мало-по-малу стала переходить Нижегородская мордва подъ русскую державу. Впрочемъ, преданіе сіе въ мордовской пѣснѣ вѣроятнѣе всего относить ко времени в. князя Андрея Боголюбскаго противъ Волжскихъ Болгаръ. Въ XVI вѣкѣ не могло быть въ Нижнемъ того, о чемъ упоминается въ мордовской мѣстной пѣснѣ. Пѣсня не приводится, но мы знаемъ ее изъ статей Мельникова.—Очерки Мордвы—и изъ рукописей И. Бѣляева въ копіи г. Кунцевича. Хотя пѣсня подъ русскимъ мурзою разумѣетъ царя Ивана, но П. И. Мельниковъ, какъ и арх. Макарій, относитъ ее ко времени первоначальнаго овладѣнія мордовской земли русскими (въ XII вѣкѣ).

---

[1]) Рукоп. стр. 28.

„У племени Терюханъ, говоритъ онъ, какъ ближайшаго къ Нижнему Новгороду, сохраняется преданіе о первоначальномъ завладѣніи русскимъ княземъ мурзою ихъ землями... Они и пѣсни поютъ порусски и былины сказываютъ на русскомъ языкѣ. Одну изъ такихъ былинъ священникъ села Сивухи, Рождественское тожъ (Нижегородск. уѣзда) записалъ въ 1848 году и представилъ преосвященному нижегородскому Іакову, ревностно занимавшемуся собираніемъ народныхъ сказаній во ввѣренной ему епархіи. Покойный преосвященный передалъ намъ часть собранныхъ имъ, посредствомъ приходскихъ священниковъ сказаній" *)... Далѣе авторъ приводитъ эту русско-мордовскую пѣсню, по его словамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ее отъ покойнаго преосвященнаго Іакова.

Въ виду того, что списокъ въ рукописяхъ Бѣляева, даставленный ему, какъ мы увѣрены, іеромонахомъ Макаріемъ, представляетъ нѣкоторыя отличія отъ напечатаннаго Мельниковымъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ толковѣе, мы приводимъ его съ поясненіями какъ своими, такъ и лица, его доставившаго Бѣляеву. Приводимъ также внизу разногласія Мельниковскаго текста. (М.).

На горахъ [1]),
Мордва Богу молятся [3]),
Къ землѣ матушкѣ на востокъ поклоняются [4]).
Ѣдитъ мурза московскій царь по Воложкѣ,
По Воложкѣ по Камышкѣ [5]).

---

*) Русскій Вѣст. 1867 г. Іюнь стр. 498 и слѣд.

[1]) *На горахъ-то было, на горахъ на Дятловыхъ* (М.).

[2]) «Дятловыми горами называется то мѣсто, на которомъ стоитъ теперь Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь. Объ этихъ горахъ упоминается въ легендѣ объ основаніи Н. Новгорода». (Далѣе іер. Макарій приводитъ мордовское преданіе о Скворцѣ, другѣ Соловья разбойника, и о его дѣтяхъ, напечатанное Мельниковымъ. Русс. Вѣстн. 1867. Іюнь, стр. 494.

[3]) *Молится* (М.) [4]) *Поклоняется* (М.). [5]) *На камешкѣ* (М.). Думаемъ что варіантъ Мельникова основанъ на недоразумѣніи его или записавшаго; понимаемъ *по камышкѣ*, какъ имя рѣки Камы, какъ Воложка имя Волги; поэтому печатаемъ *Камышкѣ* съ прописной буквой, хотя въ рукописи ея нѣтъ.

Говоритъ мурза слугамъ [6]) своимъ:
„Слуги вы мои вѣрные [7]),
Вы взгляните-ка на Нижній градъ,
Поглядите-ка на тѣ горы, на Дятловы [8]),
Что это за березникъ мотается, шатается [9]),
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется?
Вы, слуги-мои, подите,
Слуги вѣрные, доглядите,
Что это за березникъ шатается,
Къ землѣ [10]) преклоняется?
Слуги возвратились,
Низко царю поклонились [11]):
„Это мордва своему богу молятся“
Къ землѣ-матушкѣ преклоняются“ [12]).
— Зачѣмъ же они кругомъ становятся
Съ чѣмъ же они молятся?— [13]).
„Въ кругу у нихъ стоятъ съ сладкимъ сусломъ [14])
бадьи могучія,

---

[6]) *людямъ* (М.). [7]) у М. прибавленъ стихъ: «*Слуги вѣрные, неизмѣнные*». [8]) у М.: «Поглядите-ка, посмотрите-ка, Вы на тѣ-ли на горы на Дятловы». [9]) у М. вмѣсто этого стиха два: *Чшо это за березникъ мотается, Мотается-шатается.* [10]) Прибавлено *матушкѣ* (М.). [11]) у М. пространнѣе

Слуги пошли доглядѣли.
Видятъ слуги: на горахъ на Дятловыхъ
Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ стоитъ,
Стоитъ своему богу молится,
Къ землѣ матушкѣ на востокъ поклоняется.
Слуги воротились,
Низко мурзѣ поклонились:

[12]) У М.: *Говорятъ мурзѣ Московскому царю:*
«То не березникъ мотается,
Мотается-шатается,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется,—
То мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется.

[13]) У М. вопросу предшествуетъ стихъ;
Вопросилъ ихъ мурза московскій царь:

[14]) У М.: *Отвѣчаютъ мурзѣ слуги вѣрные:*
«Стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія,
Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,

Въ рукахъ держатъ ковши большіе, завѣтные,
Хлѣбъ, соль на землѣ стоятъ,
Каша и яичница на рычагахъ висятъ.
Вода въ чанахъ кипитъ,
Въ нихъ говядину одинъ изъ анбедовъ [15]) варитъ".
„Слуги вы мои, подите,
Слуги вѣрные, отнесите:
Вотъ вамъ боченокъ серебра, старики!
Вотъ вамъ боченокъ золота, молельщики, на моленье!
Итакъ ступайте,
Старикамъ отдайте!"
Слуги отъ мурзы ушли,
Мурзовъ даръ старикамъ отнесли [16]).
Старики серебро и злато приняли,
Сусломъ сладкимъ ихъ [17]) напоили.
Слуги къ мурзѣ приходятъ,
Вѣсть мурзѣ приносятъ:

Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
Завѣтные ковши больше набольшіе,
Хлѣбъ да соль на землѣ стоятъ,
Каша да яичница на рычагахъ висятъ,
Вода въ чанахъ кипитъ,
Въ ней говядину Анбедъ варитъ.

[15]) *Анбеди* принадлежали у мордвы къ числу священныхъ лицъ, выбираемыхъ за два дня до моляна. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы сваренное уже мясо крошить и по нѣскольку кусочковъ послѣ мольбы раздавать народу т. наз. *валогу* (мясо). Примѣч. І. М.

[16]) У М.: И сказалъ слугамъ мурза, московскій царь:
«Слуги вы мои, подите
Слуги вѣрные отнесите,
Мордвѣ на молянѣ скажите:
Вотъ вамъ боченокъ серебра, старики,
Вотъ вамъ боченокъ злата, молельщики,
На мордовскій молянъ такъ и ступайте,
Старикамъ мордовскимъ серебро, злато отдайте».
Вѣрные слуги отъ мурзы пошли,
Мурзинъ даръ старикамъ донесли.

[17]) *Слугъ* (М.).

„Угостили, напоили насъ своимъ [18]) сусломъ
сладкіимъ,
Покормили насъ хлѣбомъ мягкіимъ“.
Старики [19]) отъ мурзы деньги получили,
И послѣ моленья [20]) судили и рядили:
„Что намъ мурзѣ послать,
Въ даръ ему дать? [21])
Меду, хлѣба, соли взяли,
Блюда могучія къ мурзѣ послали [22]),
Съ ребятами молодыми [23]) послали.
Ребята молодые, пріуставши, присѣли [24]);
Переговоривши, медъ, хлѣбъ, соль съѣли [25]):
„Старики [26]) не узнаютъ“;
Земли и желтà песку въ блюда накладаютъ; [27])
Наклавши, пришли
И мурзѣ московскому царю поднесли.—
Мурза землю и песокъ принимаетъ, [28])
Крестится и Бога прославляетъ:
„Слава Тебѣ, Боже, Царю,
Что Ты отдалъ въ мои руки всю сію [29]) землю!“
Поплылъ мурза по Воложкѣ
По Воложкѣ, по Камышкѣ. [30])
Гдѣ броситъ горстычку,— [31])

---

[18]) Словъ: *насъ своимъ* у М. нѣтъ.
[19]) *Мордовскіе старики* (М.).
[20]) *Моляна* (М.).
[21]) *Что намъ мурзѣ въ даръ дать.*
Что московскому царю послать? (М.).
[22]) *Блюда могучія поклали* (М.),
[23]) *Съ молодыми ребятами послали* (М.).
[24]) *Молодые ребята пріуставши съли.*
[25]) *Медъ-хлѣбъ, да соль поѣли.* (М.).
[26]) *Говорятъ «старики не узнаютъ!»*. (М.).
[27]) *Накладали* (М.).
[28]) *Честно принимаетъ* (М.).
[29]) Вмѣсто: «всю сію»—*мордовку землю* (М.).
[30]) У М. *на камушкѣ* (см. выше примѣч. 5).
[31]) *Земли горсточку* (М.).

Тамъ быть градичку; [32])
Гдѣ бросить щёпотычку,
Тамъ быть селеньицу.— [33]).

Хотя и П. И. Мельниковъ, и арх. Макарій высказываютъ увѣренность въ томъ, что приведенная пѣсня обрусѣлой мордвы относится къ первоначальному завладѣнію мордовскихъ земель русскими, т. е. ко времени Андрея Боголюбскаго и Юрія Всеволодовича, основателя Н. Новгорода, однако я далеко не раздѣляю эту увѣренность. Едва ли извѣстная у обрусѣлой мордвы, почти позабывшей родной языкъ, пѣсня можетъ помнить событія такой глубокой старины какъ XII-й вѣкъ. Пѣсня подъ московскимъ мурзою или царемъ разумѣетъ царя Ивана Грознаго, какъ пѣсня о Саманькѣ, и могла быть сложена послѣ завоеванія Казани, которое укрѣпило за Москвою всѣхъ ранѣе подчинявшихся татарамъ поволжскихъ инородцевъ. Названіе московскаго властителя мурзою указываетъ на татарское вліяніе. Въ мордвѣ было много мурзъ, татарскихъ выходцевъ, владѣвшихъ обширными землями. Эти вліятельные мурзы, сначала зависимые отъ хана, а по распаденіи Орды независимые, впослѣдствіи стали родоначальниками до 55 русскихъ княжескихъ родовъ (Алѣевы, Булаевы, Дивѣевы, Еналѣевы, Енгалычевы, Еникѣевы, Кильдюшевы, Кугушевы, Кудашевы, Максутовы, Тенишевы и мн. др. [34]).

Понятно, что и Московскому властителю могъ быть мордвою данъ знакомый ей титулъ *мурзы*.

Поднесеніе „земли“ — обычный символъ покорности— объясняетъ пѣсня продѣлкой мордовскихъ „молодыхъ ребятъ“, замѣнившихъ посланные мурзѣ дары—хлѣбъ, медъ, соль—землей и пескомъ. Но тотъ же самый символъ находимъ въ другихъ мордовскихъ преданіяхъ о Грозномъ.

Самъ П. И. Мельниковъ упоминаетъ, что „въ разныхъ селеніяхъ на пути царя Ивана Васильевича, въ нынѣш-

---

[32]) *Бытъ тамъ градечку* (М.).
[33]) *Бытъ тамъ селеньицу* (М.).
[34]) Мельниковъ—Русс. Вѣстникъ 1867 г. Іюнь стр. 506.

нихъ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ, до сихъ поръ сохраняются преданія, что тутъ жила мордва, покорно встрѣтившая московскаго царя, принесшая ему *чашки съ землей и пескомъ*, что̀ означало добровольное покореніе, и тогда же крестившаяся [1]). И дѣйствительно, множество преданій о построеніи церквей, о дарованіи иконъ и пр. связаны у Мордвы съ именемъ Грознаго. Пѣсня говоритъ далѣе, что, получивъ землю и песокъ, московскій царь поѣхалъ по Волгѣ, и гдѣ бросалъ горсточки, тамъ создавались городочки, гдѣ—щепоточки, тамъ селеньица. И дѣйствительно, послѣ завоеванія Казанскаго царства, когда огромныя пространства Поволжья стали безопасны отъ татаръ, началась, какъ извѣстно, усиленная русская колонизація этого края, основаніе русскихъ селеній и городовъ. Съ тѣхъ же поръ началось [1]) усиленное крещеніе и обрусѣніе мордвы. Нѣкоторыя вотчины мордовскихъ князей, по указу Ивана Васильевича, раздавались боярамъ для крещенія мордвы. Для большаго успѣха мордовскія села стали раздавать монастырямъ въ той надеждѣ, что духовныя власти еще ревностнѣе позаботятся объ ея крещеніи, чѣмъ служилые люди [2]). Все это склоняетъ насъ къ мысли, что разсмотрѣнная пѣсня восходитъ скорѣе ко времени совершеннаго подчиненія мордвы послѣ казанскихъ походовъ Грознаго, чѣмъ къ раннимъ натискамъ русскихъ князей удѣльнаго періода на мордовскія племена.

Вотъ то немногое, что намъ извѣстно изъ татарскихъ и мордовскихъ преданій о походѣ Грознаго на Казань. Конечно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ такихъ преданій было гораздо больше, но они не попали своевременно въ запись а въ настоящее время, когда интересъ къ такимъ мѣстнымъ преданіямъ является научно-признаннымъ, они, къ сожалѣнію, поросли уже „травой забвенія“.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) Тамъ же стр. 507.
[2]) Тамъ же стр. 509.

2007041728